

ЭН

экономическое
наследие

НЭП
и ХОЗРАСЧЕТ

ЭН

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ АН СССР

НЭП и ХОЗРАСЧЕТ

Редакционная коллегия; академик АН СССР *Н. Я. Петраков* (председатель), академик *Н. П. Федоренко*,
д. э. н. *В. Л. Перламуров*, д. э. н. *Н. К. Фигуровская*

МОСКВА «ЭКОНОМИКА» 1991

ЭН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня мы обращаемся к прошлому, так как снова, как и в период нэпа находимся в переходном этане от одного типа хозяйствования к другому — этапе перестройки. При исследовании нэпа возникает стремление почерпнуть там аргументы для анализа причин деформаций социализма, возможностей альтернативного развития, решения проблем сегодняшнего дня. При этом нередко можно уловить ностальгические мотивы, под влиянием которых этот период нашей истории предстает несколько идеализированным, скорее отвечающим желанию увидеть там расцвет экономических методов регулирования хозяйства, чем реальному положению дел. Факты же свидетельствуют о том, что нэп характеризовался острыми противоречиями, отсутствием целостности подходов к управлению и решительной схваткой между экономическими и административными методами, прежде всего в государственном секторе хозяйства. В то же время существует противоположное мнение, что именно рыночные элементы нэпа оказали деструктивное влияние на экономику в целом. Пропорции сдвинулись в сторону стихийных начал рынка, а это в свою очередь вызвало попытку государства восстановить утраченные позиции за счет форсированного вмешательства в экономику.

Какое же место в рамках новой экономической политики занимал хозяйственный расчет промышленных трестов, какова его суть? В чем состояли экономические предпосылки, способствовавшие свертыванию и хозрасчета предприятий, и самого нэпа? Были ли это стихийные элементы рынка, усилившиеся в связи с недостаточным умением овладеть этим рынком и кредитно-денежными инструментами? Или к ним следует отнести принципиальное теоретическое неприятие и отказ от этих инструментов в управлении самим государственным производством в пользу слишком прямолинейно и примитивно понятого планового начала, централизованного управления, подхода к понятию государственности ?

Ответить на эти вопросы поможет настоящий сборник оригинальных материалов и работ авторов — участников событий, ос-

вешавших проблемы экономической деятельности промышленных трестов в условиях восстановления рыночных отношений и нарождавшегося механизма планового управления.

Период нэпа — это тот исторический отрезок времени, который нельзя рассматривать с позиций эпического повествования по истории экономических учений. Его невозможно разложить по академическим полочкам: отдельно — теория, отдельно — практика, которая, как правило, проходит по «департаменту» истории народного хозяйства. Тогда практика восстала против навязанной ей теории, против ряда ее утопических постулатов и на первых порах сама получила некоторую возможность разматывать клубок противоречивых представлений о себе, жестко отбирая наиболее соответствующие истине.

Этим обстоятельством и объясняется подбор публикуемых в книге материалов, в которых нашли отражение и теоретические концепции сторонников развития рыночных отношений тех лет, и шаги в области экономической политики и правового их обеспечения.

При составлении сборника «Нэп и хозрасчет» имелся в виду вполне определенный отрезок времени: с 1921 по 1927 г. Вехами, которые определили границы данного периода, явились: утверждение Советом Труда и Оборона (СТО) «Основных положений к восстановлению крупной промышленности, поднятию и развитию производства» 12 августа 1921 г., знаменовавшее собой начало перевода промышленных трестов на хозяйственный и коммерческий расчет, и принятие ЦИК и СНК СССР 29 июня 1927 г. «Положения о государственных трестах», юридически оформившего происшедшую на практике трансформацию коммерческого и хозяйственного расчета в хозрасчет административный. Документы, отражающие правовой статус основного хозрасчетного звена в государственной системе управления промышленностью, — декреты о трестах и ряд других юридических актов, относящихся к данному периоду, — включены в настоящее издание.

Обращаясь к работам авторов, противостоявших идеям и методам «военного коммунизма» и выступавших за возрождение рыночных механизмов, мы акцентировали внимание на том, что обеспечение эффективного хозяйствования не могло быть достигнуто лишь в рамках предоставления экономической самостоятельности предприятиям. Оно лежало в русле макроэкономических преобразований кредитно-денежной, финансовой систем, методов ценообразования, способов аккумуляции капиталовложений — основных составляющих экономического механизма управления хозяйством.

Переход к нэпу в контексте урегулирования взаимоотношений с крестьянством имел своей целью сохранить созданный за послереволюционные годы государственный сектор хозяйствования — национализированную промышленность, с тем чтобы она в

дальнейшем, применяясь к условиям рынка и методам состязания на нем, завоевала свое решительное господство, что и было записано в резолюции XI партконференции (1921 г.). Однако применяться к условиям рынка должна была уже национализированная промышленность на условиях сохранения незыблемости права государственной собственности, ограждения его от возможных посягательств и недопустимости денационализации. Этот мотив четко прослеживается в законодательстве о трестах, в комментариях к нему. Новая экономическая политика квалифицировалась как определенный этап развития, когда ввиду сложившихся реалий необходимо установление верных пропорций между тем, что пролетарское государство в состоянии «переварить», подчиняя своему прямому воздействию, и тем, что такому воздействию поддается слабо или не поддается совсем и относится к стихии частного рынка.

Для правильного понимания *происходивших в тот период преобразований* в промышленности необходимо рассматривать их, с одной стороны, с точки зрения действительно радикальных перемен, связанных с переходом к рынку и товарно-денежным отношениям, с другой — с позиций преемственности, сохранения «принципов». К последним следует отнести то понятие огосударствления собственности, каким оно сложилось в 1918 г. и в период «военного коммунизма». Национализация промышленности, передав частные предприятия непосредственно в руки государства, установила систему экономических отношений, построенных на прямой организации государством процесса воспроизводства в разрезе предприятий, отраслей, территорий и производственных фаз. Поколениям советских людей этот шаг представлялся сам собой разумеющимся, заранее определенным логикой отказа от капиталистических форм собственности. Однако в те годы существовал и другой подход к огосударствлению собственности. Его придерживался Г. Я. Сокольников, рассматривавший процесс централизации не с позиций передачи функций управления предприятиями непосредственно в руки государства, а с точки зрения централизованного управления мобильными государственными капиталами, представляющими собой контрольный пакет акций, полученный им в результате национализации банков и широкого развития акционерной формы собственности¹. Это означало, что централизованное регулирование хозяйства со стороны государства возможно было бы с помощью таких инструментов, как банковская система, товарная, фондовая и валютная биржи.

Как известно, развитие пошло другим путем и в период национализации промышленности, и в годы нэпа. Закономерно,

¹ Сокольников Г. Я. Финансовая политика революции. Т. 1. М., 1925. С. 44. Эта работа заслуживает отдельного издания, поэтому она не включена в настоящий сборник.

что в нэп национализированная промышленность уже генетически внесла признаки системы, заложенные в нее в первые после-революционные годы. Национализированная промышленность рождала тресты как казенные предприятия, отождествленные с государственным хозяйственным аппаратом, хотя на первых порах (1921—1923 гг.) и имела шанс отойти от администрирования.

Но и принятая концепция перевода государственной промышленности на хозрасчет не нашла всеобщего понимания. Оппонентами выступили сторонники взглядов Л. Д. Троцкого и «левые» коммунисты, рассматривавшие принцип материального стимулирования рабочих как подрыв революционных устоев и уступку мелкобуржуазности. Например, с таких позиций выступал Е. А. Преображенский.

Позже, в 1924 г., Е. А. Преображенский, высказавший идею о «первоначальном социалистическом накоплении» как основном законе, определяющем функционирование социалистического сектора в противоположность закону стоимости, регулирующему частный сектор, продолжал развивать эти представления. Считая, что построение фундамента нового общества возможно в первую очередь на основе неэквивалентного обмена между городом и деревней, он утверждал также, что названный закон находит свое выражение и «в сознательном ограничении рабочего класса». Чем беднее живет рабочий, тем эффективнее действие закона. «...Страшная нищета периода войны и революции, огромное снижение привычных потребностей рабочего класса служили и служат одним из факторов социалистического накопления в том смысле, что рабочему классу после такого недавнего прошлого легче удастся провести самоограничение своих потребностей в годы, когда задачи социалистического накопления стоят на первом плане»².

Все последующее развитие хозрасчетных отношений проходило в условиях осмысления проблемы соотношения плана и рынка в период нэпа.

Первоначально при отборе в число действующих самостоятельных предприятий государство руководствовалось тремя признаками: значением предприятий с точки зрения нужд обороны; ролью, которую они могут сыграть в восстановлении основных отраслей народного хозяйства; возможной прибыльностью предприятия.

Таким образом, с самого начала нэпа государственная промышленность стала делиться на предприятия прибыльные и не приносящие прибыли. К последним относились предприятия военной промышленности, железнодорожного транспорта, речного

² Преображенский Е. А. Основной закон социалистического накопления // Вестник Коммунистической академии. 1924. № 8. С. 92.

флота, совхозы, а позднее — вся тяжелая промышленность. Бездоходность предприятия не означала его убыточности: это были хозрасчетные предприятия, функционировавшие на принципах самокупаемости, однако управлявшиеся на основе принципов, отличных от тех, что впоследствии легли в основу декретов о трестах. Цены на продукцию этих предприятий устанавливались государством, а не формировались на свободном рынке в зависимости от спроса и предложения, в связи с чем критерием оценки эффективности их работы являлось снижение издержек производства и обращения.

Резолюция XII съезда партии «О промышленности» (1923 г.)³ констатировала, что самый переход от «военного коммунизма» к нэпу совершался в значительной мере методами «военного коммунизма»: группировка предприятий, разбивка их на тресты, распределение средств между трестами имели во многом априорный, бюрократический характер. Тресты создавались путем спешной ликвидации главков и сохранили многие недостатки, которые были свойственны бюрократической системе управления. Нередко действующие предприятия объединялись с бездействующими, оборотных средств не хватало, да и те во многом представляли собой неликвиды. В первый год нэпа промышленность, оказавшись совершенно неприспособленной к конъюнктуре рынка, понесла крупные убытки. Сужение внутреннего рынка вследствие неурожая, необходимость спешно расплачиваться по обязательствам в условиях катастрофически падающей валюты привели к установлению на рынке убыточных цен. В то же время вследствие значительной дефицитности бюджета государство отчуждало продукцию трестов не только ниже себестоимости, но и бесплатно. Главным же фактором стихийной, беспорядочной распродажи запасов, по оценке ВСНХ, явилось несоответствие заданной программы производства и размеров оборотных средств, которые находились в распоряжении трестов.

Вместе с тем именно в тот период (октябрь 1921 г.) в распоряжении государства появился новый действенный инструмент регулирования хозяйства, и в первую очередь его государственного сектора, — Государственный банк. С помощью кредита восстанавливались наиболее эффективные предприятия, осуществлялись формирование и перераспределение капиталов, происходили аккумуляция накоплений и передача их государственной промышленности и торговле. И для банка, и для государственных трестов это был период, отвечавший сущности их взаимоотношений, в основе которых лежат экономическое регулирование и коммерческий расчет. Банк, руководствующийся принципами возвратности ссуд, обеспеченности кредита, ликвидности имущества,

³ КИСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М.: Политиздат, 1984. С. 57—75.

в определенной мере взял на себя восстановление и развитие государственной промышленности и делал это значительно эффективнее административных органов управления.

В книге «На новых путях» подводятся итоги первого года нэпа и подтверждается, что «Госбанк в своих кредитных взаимоотношениях с промышленными предприятиями и их объединениями конкретизировал самую сущность хозрасчета, отказывая в кредите бесхозяйственным и плохо поставленным предприятиям, требуя повышения их производительности, перестраивая иногда самые тресты, выделяя в них доходные предприятия»⁴.

В самом начале 1922 г. ВСНХ поставил вопрос об организации самостоятельного банка для промышленности. В сентябре 1922 г. СТО утвердил устав нового банка, а в октябре состоялось учредительное собрание акционеров Промышленного банка. Его учредителями были государственные промышленные тресты, синдикаты, железные дороги. В уставе этого банка было признано необходимым перейти к системе коммерческих мер по регулированию промышленности, которые состояли в мобилизации свободного капитала промышленности, привлечении мелкого частного и иностранного капитала и организации кредитования как метода регулирования государственных промышленных предприятий. Промбанк строился уже как акционерное общество, в котором не менее 50 % акций должно было принадлежать учредителям — промышленным и торговым объединениям. Правда, это был, по свидетельству И. А. Кириллова, замкнутый тип организации кредитного учреждения, основанного на взаимном кредитовании, возникший в результате практического отсутствия рынка капитала. Суть его состоит в том, что «...предприятию, которое предвидит нужду в кредите... приходится участвовать сначала в создании того капитала, который впоследствии послужит источником кредитования...» путем передачи банку при его учреждении части своих средств⁵. (И. А. Кириллов, рисуя подробную картину финансирования и кредитования промышленных предприятий, создания акционерных обществ, выпуска акций, облигаций, выдачи векселей, раскрыл сущность коммерческого и хозяйственного расчета первой половины 20-х годов, дал анализ финансовых результатов работы промышленности за этот период. Главы из книги «*Финансирование промышленности*» публикуются в настоящем сборнике.)

В начале 20-х годов акционерные общества возникли и в других сферах хозяйственной деятельности, в частности в торговле. Отсутствие торгового аппарата, способного протолкнуть товарные массы в оборот, подсказало искать выход из кризисной ситуации в организации синдикатов. Они были созданы почти

⁴ На новых путях. Итоги нэпа. СТО. Вып. II. М., 1923. С. 195.

⁵ Кириллов И. А. Финансирование промышленности. М., 1926. С. 173.

во всех отраслях, и в первую очередь в отраслях, которые ближе всего стояли к потребительскому рынку и имели торговые объединения до революции. Для государственных трестов, подчиненных ВСНХ, вплоть до декрета ВЦИК и СНК от 10 апреля 1923 г. «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)» существовала возможность их преобразования в акционерные общества. В результате в самом начале нэпа в государственном секторе из недр его административно организованных трестов стихийно, на ощупь стали пробиваться ростки действительной хозяйственной самостоятельности, с одной стороны, а с другой — наметились контуры системы их экономического регулирования.

Пересмотр основ управления государственной промышленностью требовал перестройки всех хозяйственных отношений, и в первую очередь восстановления денежного хозяйства. Для предприятий оказались неразрешимыми проблемы оценки капитальной стоимости, калькуляции себестоимости и выплаты заработной платы. По требованию ВЦСПС в заработную плату было включено все, что раньше выдавалось в виде бесплатного натурального пайка. В сентябре 1922 г. V съезд профсоюзов решил установить общую единицу исчисления, гарантирующую заработную плату от непрерывных колебаний рыночных цен и дающую возможность наиболее простого сравнения настоящего уровня заработной платы с довоенным. Такой единицей стал набор продуктов, положенный в основу так называемого бюджетного индекса статистики труда.

В течение 1922—1924 гг. в стране была проведена денежная реформа. Ее положения известны: выпуск банкнот, параллельное обращение устойчивых банковских и обесценивающихся казначейских билетов и окончательное изъятие последних.

Замысел реформы был рассчитан не только на обеспечение внутреннего оборота твердой и устойчивой валютой, но и на отказ от экономической замкнутости, на выход на мировой рынок в качестве равноправного партнера, располагающего фактически конвертируемой валютой. Такой подход свидетельствовал об искренней уверенности авторов реформы — Г. Я. Сокольникова и Л. Н. Юровского — в утверждении нэпа всерьез и надолго, в том, что денежный оборот действительно должен повернуть оборот хозяйственный и осуществлять это с помощью внутренне присущих ему методов, а не на основе «военно-коммунистического» вмешательства в экономику, как это произошло на практике. Отсюда и принципиальное требование ориентации новой валюты не на довоенный золотой рубль с его исторической покупательной способностью тех лет (1913 г.), как предлагал Е. А. Преображенский, не на товарный рубль — на чем настаивал С. Г. Струмилин, а на тот «золотой рубль, который соответствует покупательной силе золота в настоящее время», тем более что это позволяет «исчислять цены в золотых рублях по

курсу, который устанавливается в связи с курсом золотых иностранных валют»⁶.

Оппоненты же авторов реформы, ориентируясь на нашу изолированность от мирового хозяйственного оборота, экономическую слабость, неразвитость внутреннего рынка золота, отрицали необходимость установления связи червонца с курсами иностранных валют, обрекая экономику на автаркию и в будущем.

В результате реформы червонец превратился в наиболее дорогую валюту на мировом рынке. Так, в 1925 г. валютные курсы на Нью-йоркской бирже относительно доллара составляли: доллар—100%, фунт стерлингов — 99, франк — 20,6, червонец - 100,1 %.

Из опыта восстановления рынка в период нэпа, рассматриваемого с позиций сегодняшнего дня, мы как-то нехотя принимаем один из важнейших его уроков: рынок оживает не столько с утверждением разных форм собственности и арендных отношений, сколько с созданием соответствующей ему экономической среды обитания хозяйствующих субъектов.

Главным элементом этой среды, ее кровеносной системой является здоровое денежное обращение, регулируемое двухуровневой банковской системой. Только на его основе могут стать действенными остальные элементы государственного регулирования: налоговая система, система дотаций, вся система экономической заинтересованности и социального обеспечения. Когда промышленность выходила из полосы натурального снабжения и хозяйственники с трудом приспосабливались к рыночным условиям, В. И. Ленин в 1922 г. писал: «Нужна проверка, настоящая проверка, да проверка не такая, что ЦКК исследует и вынесет порицание, а ВЦИК назначит взыскание, — нет, а проверка настоящая, с точки зрения народной экономики»⁷, т. е. проверка денежным оборотом, рынком.

Иными словами, сегодня трудно рассчитывать на успех экономической реформы, откладывая решение проблем денежного обращения и устройства кредитной системы на самый отдаленный ее этап.

Как писал Л. Н. Юровский в книге *«На путях к денежной реформе»*, «приходится либо восстанавливать хозяйство на основе устойчивой валюты, либо отказываться от его восстановления»⁸.

Период адаптации государственных трестов к товарно-денежным отношениям завершился принятием декрета ВЦИК и СНК от 10 апреля 1923 г. и вытекающего из него декрета СНК от 17 июля 1923 г. Суть коммерческого начала, облеченного в

⁶ Юровский Л. Н. На путях к денежной реформе. М.: Финансовая газета, 1924. С. 63.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 79—80.

⁸ Юровский Л. Н. На путях к денежной реформе. С. 114.

правовую основу законов о трестах, общеизвестна. Методы государственного регулирования их деятельности известны меньше. Нам представлялось целесообразным показать, как в декретах интерпретировалось сочетание централизма и хозяйственной самостоятельности, в каких формах должно было осуществляться государственное управление поведением хозяйствующих субъектов, каким было место треста и входящего в его состав предприятия в иерархической системе управления промышленностью.

Декрет ВЦИК и СНК от 10 апреля 1923 г. — первый закон Советской власти, создавший всестороннюю и твердую правовую основу функционирования государственного предприятия как единого целого в условиях новой экономической политики. Проведение декрета в жизнь потребовало издания целого ряда правовых норм, обеспечивающих его практическую реализацию. Кроме того, хозяйственная жизнь выдвигала много вопросов, не имевших ответов в тексте декрета, и вносила свои дополнения в хозяйственное законодательство. Это выразилось в осуществленном в административном порядке издании нормативных документов, лежащих вне рамок декрета. Изменения и дополнения были продиктованы в первую очередь необходимостью приспособления промышленности к новым требованиям экономической политики, состоявшим в усилении планового начала, начавшейся уже в 1923 г. регламентации хозяйственной жизни, в частности под влиянием «ножниц цен».

С образованием СССР и принятием на I съезде Советов СССР 30 декабря 1922 г. «Декларации об образовании СССР» встал вопрос о разделении промышленности на союзную и республиканскую, о компетенции различных уровней хозяйственной иерархии по управлению промышленными предприятиями, что также нашло отражение в последующем законодательстве.

17 июля 1923 г. СНК СССР в соответствии со статьей 54 декрета о трестах от 10 апреля 1923 г. принял декрет *«О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах), находящихся в управлении местных органов»*, учитывающий особенности местной промышленности и местных органов хозяйственного управления.

Принципиальное значение для судеб государственной промышленности вслед за декретом от 10 апреля 1923 г. имели постановление ВЦИК СССР от 12 ноября 1923 г. *«О порядке управления промышленными предприятиями, имеющими общесоюзное значение и находящимися в ведении Высших Советов Народного Хозяйства»* и одновременно принятое *«Положение о ВСНХ СССР»*. Постановление предусматривало ограничение прав союзных республик в области управления промышленностью в пользу Союза как целого. В ведение Союза была выделена крупная промышленность, связанная с обеспечением обороны страны, ее положением на мировом рынке и ролью в восстановлении народного хозяйства.

Помимо взаимоотношений с вышестоящими звеньями управления, правовыми нормами с течением времени регламентировались внутривладельческие связи. В декрете от 10 апреля 1923 г. мало места занимали внутренняя структура треста и его взаимоотношения с предприятиями. Практика выработывала границы самостоятельности предприятий в рамках треста. Эти взаимоотношения нашли свое отражение в «*Положении об управлении заведением, входящим в состав треста*», утвержденном Президиумом ВСНХ СССР 14 мая 1924 г. Опубликованию этого Положения предшествовала продолжительная дискуссия о правомочиях трестов и предприятий. ВСНХ рассматривал трест как единое хозяйственное целое. В принятом Положении ведение коммерческих операций, таких, как заготовка сырья и материалов, реализация продукции, финансирование производства, заключение тарифных соглашений и коллективных договоров, было вверено правлениям трестов. В обязанности директоров предприятий входила лишь организация производства и капитального строительства в пределах утвержденных правлением треста смет.

После издания декретов о трестах была подготовлена почва для создания правового обеспечения торговых органов государственной промышленности — синдикатов. 26 марта 1925 г. ВСНХ СССР утвердил *Примерный устав синдиката*.

В результате принятия серии законодательных актов место государственного промышленного предприятия (треста) в хозяйственной системе управления, характер его хозяйственных связей получили юридическое оформление. Материалы, связанные с декретом о государственных промышленных трестах от 10 апреля 1923 г., были систематизированы в сборнике «Законодательство о трестах и синдикатах» под редакцией *А. М. Гинзбурга*, автора вводных очерков и комментариев к декретам и другим законодательным актам. В настоящее издание включены «*Предисловия*» к первому, второму и третьему изданиям «Законодательства о трестах...». В комментариях дано толкование отдельных положений, освещены некоторые теоретические и практические проблемы, какими они представлялись одному из ведущих работников ВСНХ СССР.

Несколько предваряя перевод промышленности на хозрасчет, декретом СНК от 22 февраля 1921 г. «Положение о Государственной Общеплановой Комиссии» был создан Госплан. Б. И. Ленин писал о том, что «...новая экономическая политика *не меняет* единого государственного хозяйственного плана и *не выходит* из его рамок, а *меняет подход* к его осуществлению»⁹. Как же мыслится реализация планового начала применительно к трестам?

Представления о регулирующей роли центральных хозяйст-

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 101.

венных органов управления промышленностью, призванных блюсти общегосударственный интерес, о формах и методах его реализации носили противоречивый характер, и подготовка декретов проходила в противоборстве мнений. Последующее развитие концепций хозрасчета трансформировалось в проблему соотношения плана и рынка в условиях переходного периода. Вот что писал по этому поводу А. М. Гинзбург: «Обычно коммерческому началу противопоставляют так называемое плановое начало. Сколько-нибудь точного определения этого начала не существует, хотя оно ежедневно, ежечасно склоняется по самым различным поводам. По большей части под ним понимается ряд ограничительных принципов государственного управления...»¹⁰. К последним Гинзбург относил полномочия по созданию предприятий, выделению им государственного имущества, равно как и по их управлению. Он видел руководящую роль государства в предупреждении неувязок в работе отдельных отраслей и предотвращении частных и общих кризисов экономической жизни, считал, что вмешательство в хозяйственную жизнь должно ограничиваться установлением общих пропорций по отраслям народного хозяйства. При этом центр тяжести экономического планирования должен быть сосредоточен на распределении капиталов. А. М. Гинзбург усматривал руководящую роль хозяйственных органов в учете различных вариаций социально-хозяйственных отношений. Однако, рассматривая плановое начало как государственное установление основных пропорций, определение приоритетов инвестиционной политики, достижение социальных целей, он считал, что его реализация лежит в русле прямых, не опосредованных рынком решений. Следует добавить, что существовал еще один общий принцип государственного подхода к управлению промышленными трестами, сыгравший скорее отрицательную роль в становлении государственной промышленности: тресты и синдикаты получили определенные преимущества перед представителями других секторов хозяйства.

Вместе с тем в понятие планового начала вкладывался и другой, тотальный смысл. Под ним подразумевалась, по утверждению А. М. Гинзбурга, «...необходимость ведения всего государственного хозяйства на основе заранее разработанного и предусматривающего все детали плана, который должен определить работу всех ячеек народного хозяйства... известного ныне под именем «контрольных цифр Госплана...» Ни один из этих планов не может выдержать сколько-нибудь длительного испытания в процессе его практического осуществления... Такое положение вызывает необходимость критической проверки самого понятия «план»... Плановое начало ни в коем случае нельзя представлять себе как совокупность схем, которые должны быть

¹⁰ Гинзбург А. М. Предисловие к третьему изданию «Законодательства о трестах и синдикатах». М. — Л., 1926. С. XI.

навязываемы жизни... Если производственная программа промышленности осуществляется независимо от конкретного состояния рынка сырья или от колебаний сбыта, то это часто дает гораздо более отрицательные результаты, чем неисполнение производственной программы в заданном объеме»¹¹.

Вместе с тем сторонники различных толкований планового начала были, за редким исключением, едины в главном: целесообразное использование производительных сил социалистического сектора по рационально построенному плану принципиально противопоставлялось коммерческому приспособлению предприятия к «рыночной стихии», служило ее ограничителем и выступало в форме прямых административных заданий и натуральных величин. Вся хозяйственная стратегия становления социалистического сектора исходила из презумпции: план — истинное социалистическое направление развития, которое противостоит рынку, ограничивает его влияние, позволяет или не позволяет ему существовать в своих интересах. Вопрос регулирования промышленного производства через стоимостные инструменты ими не ставился. Что же касается меры самостоятельности, степени детализации плановых заданий, широты охвата ими воспроизводственного процесса, то это лишь вопрос тактики. Лишение хозяйствующих звеньев самостоятельности становится генеральной линией в экстремальных обстоятельствах, связанных с нарастанием товарного дефицита, низкой эффективностью хозяйствования.

Законодательство о трестах юридически закрепляло двойственное положение предприятия, являло собой компромисс между экономическими принципами функционирования предприятия в условиях рынка и административным «плановым началом», положенным в основу централизованного управления. Какие формы государственного руководства предприятиями были закреплены законодательно? Традиционный для нашего времени способ лишения хозяйственного звена самостоятельности был изобретен в 1923 г., когда право распоряжаться имуществом треста было предоставлено одновременно и ему, и вышестоящему органу управления. Статья 6 закона, которая гласила: «Трест владеет, пользуется и распоряжается предоставленным ему государством имуществом»¹², опровергалась статьей 5, где было записано, что право распоряжаться имуществом треста осуществляется ВСНХ и СТО. И это не было простой декларацией: управление имуществом трестов целиком находилось в руках ВСНХ, начиная с выделения уставного капитала и ежегодного его изменения и кончая распределением прибыли.

Основной капитал национализированных предприятий был

¹¹ Гинзбург А. М. Предисловие к третьему изданию «Законодательства...». С. XI—XII.

¹² См. Законодательство о трестах и синдикатах. М. — Л., 1924. С. 8—9.

изъят из торгового оборота, и полномочия по его управлению были переданы ВСНХ и другим наркоматам. Само понятие «оборот капитала» исчезло и было заменено его прямым распределением. В результате предприятие еще заранее, до выделения ему из общей массы имущества ВСНХ индивидуального уставного капитала было лишено самостоятельности в процессе воспроизводства капитальной стоимости, гибкости в маневрировании капиталом, в приспособлении к требованиям спроса и предложения. Тресты не имели права самостоятельно ни продать, ни заложить имущество, ни сдать его в долгосрочную аренду, ни возвести новых зданий или сооружений. Вступление в синдикат, обусловленное взносом паевого капитала, также санкционировалось ВСНХ. По свидетельству А. М. Гинзбурга, при проработке декрета от 10 апреля 1923 г. поднимался вопрос о превращении всех трестов в акционерные общества. Это имело бы смысл при условии свободной мобилизации имущества, вложенного в государственные тресты. Но этот принцип из опасения возможной фактической денационализации промышленности был отвергнут. Тресты остались чисто государственными образованиями, в которые не допускался ни частный, ни кооперативный капитал¹³. Закон допускал преобразование трестов в акционерные общества, деятельность которых регулировалась уже другими правовыми нормами, но это допущение не реализовалось на практике. Перераспределение капитала практически осталось в руках государства и осуществлялось административным путем. Правда, промышленность пользовалась средствами банка, именуемыми «долгосрочными промышленными ссудами». Однако И. А. Кириллов писал, что банк в этих операциях являлся лишь передаточной инстанцией для сумм, выделяемых административным путем. «Само распределение средств между отдельными отраслями промышленности и предприятиями происходило по соглашению Наркомфина и ВСНХ... Банк же только следил за поступлением процента и выполнял лишь кассовые функции»¹⁴.

Изъятие основного капитала из оборота, выступая как средство охраны социалистических завоеваний от посягательств предприимчивого частника, явилось в то же время одним из краеугольных камней административной системы управления хозяйством. Денежный оборот в рамках воспроизводственного цикла прерывался, стоимостные, денежные оценки приобретали формальный характер, балансовая стоимость имущества, так же как и амортизационная политика, оказывалась нереальной. Право самостоятельного распоряжения имуществом распространялось лишь на оборотный капитал. Однако ежегодное ут-

¹³ Гинзбург А. М. Предисловие к третьему изданию «Законодательства...». С. XXI.

¹⁴ Кириллов И. А. Финансирование промышленности. С. 197.

верждение величины уставного капитала в ВСНХ ограничивало эту самостоятельность рамками одного года.

Пополнение имущества треста осуществлялось только в бюджетном порядке по распоряжению ВСНХ и независимо от эффективности хозяйствования, поскольку вся полученная прибыль поступала в доход казны. На нужды предприятий отчислялось до 20 % прибыли в резервный капитал треста, в специальный фонд для улучшения быта рабочих и на выдачу тантьем членам правления и наградных рабочим и служащим (формирование последнего фонда было отменено в марте 1926 г.). Весьма существенно, что размер отчислений средств из прибыли треста определялся ежегодно либо ВСНХ, либо ВСНХ по согласованию с НК финансов.

Резервный капитал трестов был частично предназначен для покрытия убытков, однако законодательно не исключалось и бюджетное финансирование убытков трестов, функционировавших на принципах коммерческого расчета. Все сметы расходов трестов подлежали утверждению ВСНХ, то есть административной регламентации. Распоряжение имуществом трестов определялось идеей создания единого промышленного фонда, сосредоточенного в руках ВСНХ, перераспределявшего капиталы самостоятельных трестов, не нарушая законодательства о них. Управление государственными строительными программами, финансирование которых происходило почти полностью за счет бюджетных и отраслевых источников, имело сугубо административный характер, несло в себе те недостатки, искоренить которые мы пытаемся и по сей день: планирование программ осуществлялось не по техническим и коммерческим расчетам, а по заказам и потребностям, а это, естественно, вело к распылению ресурсов и повышению себестоимости.

С целью предотвращения таких явлений принимались административные меры. Председатель ВСНХ СССР Ф. Э. Дзержинский в январе 1925 г. издает приказ по ВСНХ «О построении производственных программ и разработке планов расширения и развертывания производства в соответствии с реальными возможностями сбыта, использования и финансовыми средствами и о недопустимости самовольного их превышения»¹⁵. Однако эти меры оказались недостаточно эффективными.

Выборочные обследования показывали дезорганизацию и перерасход ресурсов. В. П. Милютин писал; «Новое строительство ведется непродуманно, заказывается неподходящее оборудование... На Людиновском заводе локомотивей оборот капитала в 1913 г. составлял 2,08 раза в год, а в 1924—25 гг. — 1 раз. Производство котлов вместо 40 дней затягивается до 5 месяцев...

¹⁵ Законодательство о трестах и синдикатах. М.—Л., 1926. С. 268.

В 1926 г. себестоимость продукции Харьковского паровозостроительного завода была в два раза выше довоенной»¹⁶.

Что же касается административного вмешательства в текущую хозяйственную деятельность предприятий, то оно допускалось законом о трестах от 10 апреля 1923 г. в порядке исключения. В ходе же хозяйственной практики оно превратилось в норму. Существенным представляется то обстоятельство, что произошло это не на переломе нэпа в период начавшейся индустриализации и «перекачки» средств в тяжелую промышленность, а уже на этапе его относительно равновесного, восстановительного периода.

Вмешательство происходило по трем направлениям: производственная программа, цены, сбыт. В соответствии с декретом в промышленности предусматривалось составление общих производственных планов и смет, существенное отступление от которых допускалось лишь с разрешения ВСНХ, а также планов действий, обеспечивающих выполнение этих программ. А. М. Гинзбург подчеркивал несоответствие этих положений хозяйственной практике тех лет. В них не был указан порядок прохождения планов: развёрстываются ли они сверху или составляются снизу? В первом случае они не вписывались в рыночную конъюнктуру, во втором—безнадёжно опаздывали в процессе прохождения по «департаментам». В 1925 г. был уточнен порядок планирования производства: сверху устанавливались контрольные цифры по объемам производства и темпам роста¹⁷.

Продукция трестов реализовалась на рынке по ценам, установленным по согласованию с покупателем. Принудительные цены устанавливались лишь в виде исключения (статья 48 декрета от 10 апреля 1923 г.). На деле же принудительными ценами оказалось охвачено большинство продуктов производства.

Этот процесс был связан с возникновением «ножниц цен» и кризисом сбыта для промышленности 1923 г. Л. Н. Юровский видел причину кризиса сбыта в проведении экономической политики, не учитывавшей конъюнктуры рынка и покупательной силы населения¹⁸. Кризис был по-разному воспринят органами хозяйственного регулирования и управления. Банк, заботясь о сохранении высокой покупательной силы червонца, отреагировал сокращением объемов кредитования, чем добился желаемого результата. СТО усилил административное влияние на цены: 22 февраля 1924 г. им было принято постановление «О порядке установления предельных цен на товары». Комиссия внутренней торговли получила права регулировать цены на все товары, вводить предельные цены по всем видам торговли.

¹⁶ Милютин В. П. История экономического развития СССР 1917—1927 гг., 1928. С. 381, 387.

¹⁷ Законодательство о трестах и синдикатах. С. 49, 50.

¹⁸ Юровский Л. Н. На путях к денежной реформе. С. 76.

Н. Д. Кондратьев в статье «Условия образования и движения товарных цен», подводя первые итоги нэпа, писал в 1923 г.: «В политике регулирования цен необходимо определенно отказаться от утопической мысли, будто путем регламентации, репрессивных мер можно сколько-нибудь управлять движением цен в желательном смысле»¹⁹.

К концу восстановительного периода нэпа общий индекс вздорожания цен на промышленные товары (по отношению к 1913 г.) в 1924 г. составлял по оптовым ценам 1,90 и превышал соответствующие индексы Англии на 10 пунктов, США — на 14, Швеции — на 30, Германии — на 45. Вздорожание розничных цен по московскому индексу конъюнктурного института составило 202 %. Главными причинами роста цен в условиях твердой валюты, помимо монополии производителя, были низкая эффективность хозяйствования, слабая производственная база. Поэтому практика принудительного снижения цен, начавшаяся после кризиса сбыта 1923 г. и снизившая их к 1925 г. в среднем на 30 %, а по отдельным товарам — на 70 %, не могла решить задач оздоровления хозяйственной жизни. Она привела лишь к тому, что нарушение рыночного равновесия летом 1925 г. вследствие роста капиталовложений и начавшийся процесс инфляции вылились в нарастание «товарного голода».

Законодательно административное установление цен ниже рыночных, но не ниже себестоимости с начислением средней прибыли допускалось лишь при заключении трестом хозяйственного договора с государственной организацией, то есть при выполнении госзаказа. В случае невыполнения государственным органом денежных обязательств по такому договору ответственность являлась казна. Эта форма хозяйственных связей начала распространяться уже в 1922—1923 гг., *Цельникер С. С.* в статье «Госзаказы в промышленности» писал, что к концу восстановительного периода нэпа (1924—1925 гг.) она охватывала в каменноугольной промышленности 41%, нефтетопливной — 44, металлической — 30, грубошерстной — 25 % объемов производства²⁰. Одновременно на «вольном рынке» нарастала система ограничений, охватывавших важнейшую продукцию массового спроса на всей территории страны. Выбор контрагентов был ограничен системой генеральных договоров с кооперацией, заготовка сырья проводилась через немногие торгово-заготовительные организации с лишением других хозяйственных субъектов прав самостоятельного выступления на рынке.

Работа предприятий на госзаказы была тесно связана с состоянием государственного бюджета: финансовые затруднения

¹⁹ Кондратьев Н. Д. Условия образования и движения товарных цен//На новых путях. Вып. 1. М.: СТО, 1923. С. 47.

²⁰ Цельникер С. С. Госзаказы в промышленности//Финансовые проблемы промышленности. М.-И., 1925. С. 168.

государства ложились на поставщиков продукции. В 1921—1922 гг. промышленность сдала государству продукции по госзаказам на 150 млн. руб. золотом безвозмездно. В последующие годы задолженность «казенных» потребителей продолжала расти, нанося поставщикам убытки, связанные с отвлечением капиталов в область государственного бюджета, госзаказы стали убыточными. Суммы убытков погашались государственными дотациями. Эта часть промышленной деятельности была в определенной степени изолирована от общеэкономической среды: коммерческие начала во взаимоотношениях казны с хозрасчетными предприятиями сводились к нулю. Сразу же при возникновении этой формы хозяйственного оборота в качестве его неперемennых спутников возникли искусственное расширение заказов, не обеспеченных финансовыми и материальными ресурсами, и призывы к «самому строгому ограничению госзаказов рамками сметных ассигнований, недопущению случаев перерасхода назначенных кредитов»²¹. В сфере текущего товарного производства общеэкономическая среда еще оказывала какое-то воздействие на подобные отношения хотя бы своим неприятием их: например, банк отказывался кредитовать госзаказы. (Существенный пункт взаимоотношений банка и бюджета с сегодняшних позиций.) Принципиальные возражения против такого кредитования выставлялись «в форме излюбленных «эмиссионных» формул... Кредитование госзаказов нарушило бы золотое правило соразмерности между эмиссией и товарооборотом... Но жизненная потребность промышленности уже пробивала брешь в строгих банковских позициях» (уже в 1923—1924 г.г.)²².

Модель организации экономической жизни государственной промышленности в период нэпа можно рассматривать с точки зрения нескольких основополагающих принципов. Первый — обеспечение государственной поддержки и преимуществ перед хозяйствующими субъектами других укладов. Второй — придание внерыночным административным отношениям и натуральным измерителям статуса истинно социалистических и сохранение их за центральными органами хозяйственной иерархии в качестве основных инструментов управления, равно как и сохранение самой иерархии. Одним из главных бастионов этих методов явилось натуральное планирование, внутренняя логика развития которого состояла в его всеохватывающем расширении, проникновении на все уровни и во все хозяйственные звенья системы.

Третий принцип — это ограничение рынка в государственном секторе рамками совокупного общественного продукта, недопущение рынка капиталов и изъятие чистого дохода предприятий в централизованные фонды.

Двойственность положения основного хозрасчетного звена,

²¹ Там же. С. 176.

²² Там же.

зафиксированная в юридических актах, не могла сохраняться вечно, тем более что «коммерческое начало» было поставлено на заведомо проигрышные позиции. Хозрасчетной обособленности в строгом смысле слова не существовало, как и соответствующей хозрасчету внутренней организации трестов. Государственная опека, администрирование сверху, слабость хозрасчетных стимулов на уровне входивших в тресты предприятий оборачивались бесхозяйственностью и низкой эффективностью функционирования промышленности.

К концу восстановительного периода нэпа (1925 г.) объем производства промышленной продукции составлял 94 % довоенной выработки. Наш восстановительный процесс шел быстрее, чем в странах Европы. Однако в качественном отношении наблюдалось значительное отставание — у нас была наиболее высокая себестоимость производства продукции, что в соединении с нехваткой промышленных товаров привело к наивысшему в Европе росту не только розничных, но и оптовых цен. В ноябре 1925 г. средние индексы цен по отношению к 1913 г. составляли: в США — 156 %, в Англии — 160, во Франции — 125, в Германии — 121, а в СССР — 179%. Средний индекс стоимости жизни составлял: в Англии — 174 %, в США — 133, в СССР — 187%²³. Падение эффективности в свою очередь приводило к новому циклу усиления административного вмешательства. И так по спирали до тех пор, пока в государственном секторе вместо рынка не воцарилась система, лишь внешне облеченная в стоимостные формы. Денежный оборот перестал поворачивать оборот хозяйственный, поскольку индекс цен, «планово» установленных в обобществленной торговле, уже слабо реагировал на переполнение каналов денежного обращения. Банковский процент также не отражал уровня удовлетворения спроса на кредит, поскольку утверждался в централизованном порядке.

«Усиление кредитования промышленности происходило параллельно с развитием планового начала в кредитовании, при котором банкам отводилось место распределителей назначаемых другими инстанциями кредитов. Такое положение не могло не отразиться на ликвидности банковских активов... Совмещение планового кредитования с гарантией достаточной кредитоспособности клиентов приводило к тому, что на банк часто возлагались непосильные задачи», — писал А. А. Дезен²⁴. Мы сочли небезынтересными соображения работника Государственного банка, участвовавшего в его успешном возрождении, включив его статью «Кредитование промышленности» в настоящее издание.

Рыночный механизм в государственном секторе к концу восстановительного периода нэпа сдавал свои позиции «военному

²³ Милютин В. П. О хозяйственном положении и основных задачах нашей политики в городе и деревне. Харьков: Пролетарий, 1926. С. 26.

²⁴ Дезен А. А. Кредитование промышленности // Финансовые проблемы промышленности. С. 108.

коммунизму» по всему фронту. Его последним оплотом еще оставался червонец, за устойчивость которого продолжали бороться Г. Я. Сокольников, Л. Н. Юровский.

В середине 1925 г. в промышленности начали осуществляться широкие капиталовложения, которые оказались необеспеченными реальными источниками финансирования — народнохозяйственными накоплениями. Для осуществления намеченных планов Госплан настаивал на расширении банковской эмиссии. Ему противостоял Наркомфин, протестовавший против накачивания денег в народное хозяйство, ведущего к их обесценению. Народный комиссар финансов Г. Я. Сокольников еще на XIV съезде партии продолжал настаивать на экономической природе банка. Госплан же требовал отказа от нее и усиления «плановой» организации экономики. Борьбу против нереальных хозяйственных планов, угрожавших новой инфляцией, Г. Я. Сокольников относил к числу наибольших трудностей, с которыми он столкнулся, находясь на посту народного комиссара финансов с осени 1922 г. по январь 1926 г.

Теоретические представления о грядущем бестоварном социализме тесно смыкались с ростом административных тенденций в хозяйственной практике. Утверждалась концепция, суть которой состояла в необходимости «преодолевать» товарно-денежные отношения, сужать сферу хозрасчета, поскольку регулятором социалистической экономики должен стать план. Если же хозрасчет не предлагалось отменить сию минуту, речь все-таки шла о его преходящем характере. «При законченном построении социализма у нас уже не будет рыночного распределения общественной продукции, и потому вопрос о ценах вообще потерял всякий смысл и актуальность», — писал в 1928 г. С. Г. Струмилин²⁵.

Этим взглядам противостояла, помимо Г. Я. Сокольникова, другая школа экономистов — убежденных сторонников развития товарно-денежных отношений, рыночных связей, экономического равновесия, устойчивости рубля и осторожной банковской эмиссии, сочетание которых может обеспечить успешное функционирование хозяйства, к этой школе принадлежали Л. Н. Юровский, Н. Д. Кондратьев, В. А. Базаров, В. Г. Громан, В. В. Новожилов и др.

Л. Н. Юровский признавал товарно-социалистическую форму хозяйствования в качестве новой хозяйственной формы, но считал при этом, что она включает закономерности, общие для всех товарных форм. В публикуемой в сборнике статье «К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе» он писал, что стоимостные принципы хозяйствования не ликвидируются промышленными или иными монополиями. Закон стоимости следует по пятам за распорядителем государственного предприя-

²⁵ Струмилин С. Г. Процессы ценообразования в СССР // Плановое хозяйство. 1928. № 45. С. 46.

тия в социалистическом секторе и административные распоряжения таким предприятием становятся неэффективными, если они проводятся без учета стоимостных отношений. Своеобразие созданной системы следует искать в том, как она, будучи системой товарного хозяйства, регулирует последнее, а не «преодолевает» его.

Остросовременный смысл приобретают высказывания Л. Н. Юровского о методах регулирования общественного производства в условиях нарастающей уже к 1925—1926 гг. материально-финансовой несбалансированности, его неприятие «чрезвычайных мер» в качестве постоянно действующего фактора централизованного управления. Он писал, что если равновесие нарушено и не восстанавливается, то мера регулирования, стремящаяся к разрешению своего задания в обход рыночному равновесию, не может остаться единственной, а требует принятия все новых и новых мер, из коих последней, завершающей цепь, является ликвидация рынка. К таким административным мерам он, в частности, относил производственные и кредитные планы государственных предприятий, имеющие своей целью не восстановление равновесия на рынке, а разрешение различных ближайших хозяйственных задач. Одну из опаснейших тенденций развития государственного сектора хозяйства он усматривал в той, становившейся будничной картине, когда «...предприятия на основании своих производственных планов (а иногда и без такого основания) предъявляют... требования на кредит, превосходящие то, что кредитная система считает возможным предоставить»²⁶. В связи с этим в качестве ключевого требования для установления рыночного равновесия и материально-финансовой сбалансированности Л. Н. Юровский выдвигал необходимость приспособления самих промышленных и торговых планов к возможностям кредитной системы. В итоге относительно методов планового регулирования социалистического производства выдвигалась принципиально противоположная госплановской точка зрения.

В. В. Новожилов в публикуемой в сборнике статье «Недостаток товаров» под углом зрения цен анализировал диспропорции между платежеспособным спросом и предложением, возникшие в середине 20-х годов.

Н. Д. Кондратьев писал, что «при наличии рынка задачи планового хозяйства ставятся уже иначе, чем без него. Построение и осуществление народнохозяйственного плана теперь должно учитывать закономерности рыночного оборота и тенденции движения цен»²⁷. Иными словами, сам план должен опираться на использование экономических, стоимостных инструментов управления.

²⁶ Юровский Л. Н. К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе // Вестник финансов. 1926. № 12. С. 27.

²⁷ Кондратьев Н. Д. Условия образования и движения товарных цен (1921—1922 гг.) // На новых путях. Вып. 1. С. 46.

Однако такая методология государственного регулирования хозяйства не была признана внутренне присущей социализму. Возможность использования экономических методов централизованного управления хозяйственными предприятиями относилась к буржуазным заблуждениям. С. Г. Струмилин писал, что в такой методологии планирования наиболее ярко проводилась та концепция нэпа, по которой не план ограничивает стихию рынка, а, наоборот, рынок целиком «регулирует» план и как бы «химически выделяет из себя капиталистические отношения вопреки всяким планам»²⁸.

Банковские методы кредитно-денежного регулирования хозяйства, так плодотворно сказавшиеся на его восстановлении, сами становились объектом административной регламентации. Орган, стоящий на страже сохранения и поддержания здоровых начал в экономике, устойчивости денежного обращения, располагающий портфелем коммерчески оправданных обязательств кредитоспособных хозяйственных предприятий, под давлением системы превращался в контору по распределению эмиссионных ресурсов и свободных средств предприятий. Происходило же это опять-таки в «мирный» восстановительный период нэпа.

На страницах журнала «Кредит и хозяйство» уже утверждалось, что вопрос — «планировать ли кредит, или планировать кредитом — должен быть решен однозначно: принципиально неверно использование такого орудия планирования, которое находится в руках не у нас, а у конъюнктуры рынка»²⁹. Передоверять банку функции хозяйственного планирования никто не собирался, сам же он был обязан подчиниться общим требованиям и придать кредитному планированию твердый и устойчивый характер. Стоимостное начало хозяйственного расчета, сохраняясь по форме, выхолащивалось по существу.

Следствием перехода к администрированию явились падение эффективности созданной системы управления промышленностью, бюрократизация ее аппарата. Об этом свидетельствуют последние письма и записки Ф. Э. Дзержинского, работавшего с февраля 1924 г. до своей кончины 20 июля 1926 г. Председателем ВСНХ СССР. В письме от 3 июля 1926 г. он писал: «...⁹/₁₀ сил и энергии уходит не на создание новых ценностей, не на само производство, не на изучение его, подбор работников и организацию дела, а на согласование, отчетность, оправдывание, испрашивание. Бюрократизм и волокита заели нас, хозяйственников. На работу нет времени. Мы устали жить и бороться.

Систему управления нашим хозяйством от верху до низу должна быть в корне изменена.

Эта система ныне является пережитком, вреднейшей прегра-

²⁸ Струмилин С. Г. На плановом фронте. М., 1958. С. 247.

²⁹ Наглер Г. Д. Кредитный и хозяйственный план // Кредит и плановое хозяйство. 1927. № 5.

дой дела. Она основана на формальной взаимозависимости равноправных, друг другу не подчиненных частей; она основана на полной безответственности; она основана на принципе постоянной проверки всех деталей работы и неслыханно разветвленных параллелизмов работ... Вопросы, возникшие на заводе, не могут быть быстро разрешены. Они должны пройти все стадии, все согласования и в случае разногласий дойти до СТО»³⁰.

Взаимоотношения между правлением промышленного треста и заводоуправлением входящего в его состав предприятия были определены «Положением об управлении заведением, входящим в состав треста».

Руководители предприятий стремились к расширению экономической самостоятельности, к освобождению от администрирования и мелочной опеки, в которую вылилось руководство со стороны трестов.

29 июня 1927 г. ЦИК СССР и СНК СССР утвердили *"Положение о государственных трестах"*, которое предоставило предприятиям, входившим в трест, хозяйственную автономию в пределах отводимых им оборотных средств, промфинпланов, общих норм и лимитов. Иными словами, они переводились на хозрасчет. Однако в Положении уже не было упоминания ни о рынке, ни об извлечении прибыли. Критерием эффективности работы предприятия становилась себестоимость продукции, точнее ее снижение относительно плана. Названное Положение практически не было реализовано, однако оно юридически оформило порядок организации хозрасчета в трестах в рамках административной системы хозяйственного управления.

Уже классический нэп посеял семена сомнений в целесообразности созданной в промышленности хозяйственной системы. Он же породил иллюзии возможности решения экономических вопросов с помощью организационных перемен, не затрагивающих существа административного централизованного управления. Создание же государственно-монополистического промышленного сектора системы, постепенно приспособляющей денежно-кредитные инструменты к нуждам административного управления, на наш взгляд, заведомо определило дальнейшую судьбу развития экономики в целом.

³⁰ Письмо, хранящееся в Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС, опубликовано Ж. Алибековой и О. Лацисом (Коммунист, 1989, № 8, С. 86).

ЭН

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ХОЗРАСЧЕТА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ	27
В 1923 -1927 гг	
О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах) [<i>Декрет ВЦИК и СНК от 10 марта 1923 г.</i>]	28
О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах), находящихся в управлении местных органов [<i>Декрет СНК СССР от 17 июля 1923 г.</i>]	68
О порядке управления промышленными предприятиями, имеющими общесоюзное значение и находящимися в ведении Высших Советов Народного Хозяйства [<i>Постановление ЦИК СССР от 12 ноября 1923 г.</i>]	88
Положение о Высшем Совете Народного Хозяйства Союза Советских (Социалистических Республик) [<i>Постановление ЦИК СССР от 12 ноября 1923 г.</i>]	92
Положение об управлении заведением, входящим в состав треста [<i>Постановление Президиума ВСНХ СССР от 14 мая 1924 г.</i>]	98
Примерный устав синдиката [<i>Приказ ВСНХ СССР от 26 марта 1925 г.</i>]	103
Положение о государственных промышленных трестах [<i>Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 29 июня 1927 г.</i>]	117
II. СОВРЕМЕННОКИ НЭПА О ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРЕДПРИЯТИЙ И ХОЗЯЙСТВЕННОМ РАСЧЕТЕ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ	133
Гинзбург А.М. Предисловия к сборнику «Законодательство о трестах и синдикатах»	134
Юровский Л. Н. На путях к денежной реформе [<i>главы из книги</i>]	198
Кириллов И. А. Финансирование промышленности [<i>главы из книги</i>]	225
Дезен А. А. Кредитование промышленности	287
Цельникер С. С. Госзаказы в промышленности	294
Кондратьев Н. Д. Условия образования и движения товарных цен	308
Новожилов В. В. Недостаток товаров	319
Милютин В. П. История экономического развития СССР 1917—1927 гг. [<i>глава из книги</i>]	340
Комментарии	353

Нзп и хозрасчет/Редколл.: Н. Я. Петраков
Н95 (пред.), Н. П. Федоренко, В. Л. Перламутров,
Н. К. Фигуровская. — М.: Экономика, 1991.—
364 с.— (Экон. наследие). — ISBN 5—282—
01151—4

В сборнике публикуются официальные документы, статьи советских экономистов, посвященные проблемам становления и развития хозрасчета в условиях нзпа с 1921 по 1927 г. Эти материалы позволяют осветить замыслы перевода промышленности на хозрасчет, методы его практической реализации, возникавшие противоречия в управлении государственным сектором хозяйства и методы их разрешения.

Для научных работников, работников плановых органов, хозяйственных руководителей.

Н 0603000000—011 44—91
011(01)—91

ББК 65.02